

Позавчера о сегодня

В 1914 году знаменитая кондитерская компания «Эйнем» решила позабавить своих покупателей изящной шуткой. Была выпущена серия открыток с видами Москвы далекого будущего – «Москва через двести лет». На обороте каждой открытки был помещен небольшой текст, комментирующий картинку.

У открыток сложилась странная судьба: некоторые «прогнозы» кондитеров сбылись не через двести лет, а гораздо раньше. Например, во многих картинках легко опознается Москва 50-х годов XX века. Кстати, как раз после Великой Отечественной войны открытки были переизданы именно с таким комментарием: вот, дескать, как ускорился прогресс благоустройства столицы в результате пролетарской революции.

Впрочем, авторы открыток предвидели не только высотные здания и широкие проспекты новой Москвы, но и уличные пробки, и метро, и даже гонки аэросаней.

Так что в каждой шутке может оказаться изрядная доля правды. Даже если шутка – о далеком будущем.

ЭЙНЕМ-ПРОГНОЗ

Москва будущего: взгляд из 1914 года

Оглядываться с сожалением на прекрасное прошлое – задача не только трудная и неприятная. Как бы прекрасно ни было прошлое, раз оно прошло, говорить о нем нечего. Предоставляя мудрым историкам описывать и изучать минувшие времена, мы, составители представляемого краткого альбома, имели в виду заглянуть, по мере наших сил и пестроты красочной фантазии, в более или менее отдаленное будущее нашей всем милой и всем знакомой матушки-Москвы. Каждому, кто любит Москву, небезынтересно будет взглянуть на то, что будет с Москвой и ее обитателями приблизительно через 200–300 лет. Вот какие картины открываются нашим взорам на основании более или менее логических выводов. Мы переносимся мысленно в Петровский парк. Аллеи расширены до неузнаваемости. Древний Петровский дворец реставрирован и в нем сосредоточен Музей Петровской эпохи. Повсюду бьют, сверкая, дивные фонтаны. Лишенный микробов и пыли, совершенно чистый воздух прорезывают дирижабли и аэропланы. Толпы людей в ярких костюмах XXIII века наслаждаются дивной природою на том же месте, где, бывало, гуляли мы, их пра-пра-прадеды.

Уголок старой веселящейся Москвы. Древний «Ярь» по-прежнему служит местом широкого веселья москвичей, как было при нас триста с лишним лет тому назад. Для удобства и приятности сообщения Санкт-Петербургское шоссе целиком превращено в кристально-ледяное зеркало, по которому с молниеносной быстротой летят, скользя, изящные, богато убранные аэросани. И в XXIII веке Москва верна своим обычаям.

Красная площадь. Шум крыльев, звон трамваев, рожки велосипедов, sireны автомобилей, треск мотоцилов, крики публики. Минин и Пожарский. Тени дирижаблей. В центре – полицейский с саблей. Робкие пешеходы спасаются на Лобном месте. Так будет лет через двести.

Кремль все так же украшает древнюю Белокаменную и с золотыми куполами представляет феерическое зрелище. Тут же, у Москворецкого моста, мы видим новые огромные здания торговых предприятий, трестов, обществ, синдикатов и т. д. На фоне неба стройно скользят вагоны подвесной воздушной дороги... У пристани готов вспорхнуть легкий гидроплан.

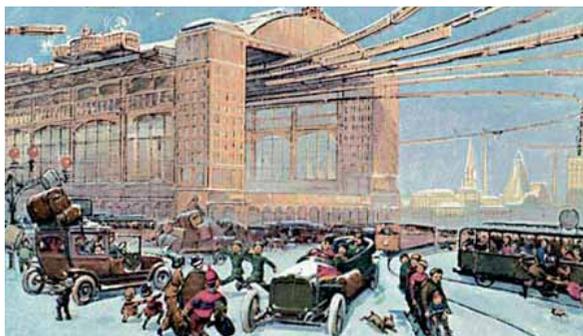
Москва-река. По прозрачным глубоким волнам широкого торгового порта несутся огромные транспортные и торговые крейсера и многоэтажные пассажирские пароходы. Весь флот мира – исключительно мирный. Военный упразднен после всеобщего мирного договора в Гааге. В шумной гавани видны разнохарактерные костюмы всех народов земного шара, ибо Москва-река сделалась мировым торговым путем.

Лубянская площадь. Синеву неба чертят четкие линии светящихся аэропланов, дирижаблей и вагонов воздушной дороги. Из-под мостовой площади вылетают длинные вагоны Московского метрополитена, о котором при нас в 1914 году только говорили. По мосту над метрополитеном мы видим стройный отряд доблестного русского войска, сохранивший свою яркую форму еще с наших времен. В синем воздухе замечаем товарный дирижабль Эйнем, летящий в Тулу с запасом шоколада для розничных магазинов.

Театральная площадь. Темп жизни усилился в сто раз. Всюду молниеносное движение колесных, крылатых, пропеллерных и прочих аппаратов. Существовавший еще в 1846 году торговый дом «Мюр и Мерилиз» в настоящее время разросся до баснословных размеров, причем главные отделы его соединены с воздушными железными дорогами. Из-под мостовой вылетают многочисленные моторы.

Центральный вокзал. Зима, такая же, как и при нас двести лет назад. Снег такой же белый и холодный. Центральный вокзал воздушных и земных путей сообщения. Десятки тысяч приезжающих и уезжающих, причем все идет чрезвычайно быстро, планомерно и удобно. К услугам пассажиров – земля и воздух. Желаящие могут двигаться с быстротою телеграмм.

Город настоящего и будущего¹

1. Орывок из книги: Лопатин П. И. Город настоящего и будущего / под ред. Т. Молодого. М.: Новая Москва, 1925. 105 с. : ил. (Чудеса техники).

Ну а теперь поговорим о том, как мечтает наша красная Москва. Один из лучших русских архитекторов А. В. Щусев, автор проекта памятника В. И. Ленину, один из руководителей архитектурного строительства республики и того научного совета, который рассматривает план будущего строительства, нарисовал картину Москвы в 1950 году. Он смотрит на эту будущую Москву с высоты реющего над ней аэроплана. Как же она выглядит – Новая Москва?

Вот центр. Перед вами цепью строений, стен и башен сверкает Кремль. День праздничный, яркий, толпы народа. Кремль превращен в музей – один из величайших музеев мира.

ВЦИК и Совнарком вынесены в Петровский парк, эту возвышенную, здоровую и ровную часть Москвы, превращенную частью в общественные парки, частью в города-сады. На Ленинградском шоссе выстроены дворцы (учреждения) республики. А на северо-запад от Москвы, вдоль верхнего течения Москвы-реки, теперешние дачные поселки – Крылатское, Хорошево, Серебряный Бор, Покровское-Стрешнево – обращены в образцовые города-сады, куда после делового дня съезжаются москвичи на трамваях, метрополитенах и частью на аэроомнибусах, имеющих в центре остановки на плоских крышах специальной постройки. Двух- и трехэтажные жилые дома, улицы с широкими тротуарами, площади и уютные парки с театрами и другими общественными зданиями – вот характер жилой Москвы в 1950 году.

Теперь бросим взгляд в противоположную сторону, к промышленному Симонову. Известное Сукино болото, вплоть до Коломенских высот, двигается, пыхтит, лязгает. Всюду электричество и бездымный уголь. Все Сукино болото с его пыльными и малярийными трясины изрыто ковшами промышленного и лесного портов. Набережные обслужены железнодорожными линиями и обстроены стройными рядами складов с автоматическими подъемными кранами. Порт кишит судами и баржами, пришедшими как с верховьев, так и, главным образом, с Оки, с которой при помощи шлюзов установлено удобное сообщение. Пойдем дальше. За Окружной дорогой находится зеленая заградительная полоса насаждений, шириной в две версты, в которой местами разбросаны поселки с электричеством, канализацией и водопроводом. Все они входят в черту города, которую замыкает включенный в городскую площадь и сам зеленый пояс. Зелень, которая поглощает пыль и дает кислород, должна проникать внутрь организма будущей Москвы. Она, как легкие, должна снабжать воздухом центральный организм, а потому от зеленого пояса клиньями зелень врезается по нескольким направлениям к центру.

Первый клин от Нескучного сада, через территорию сельскохозяйственной выставки и Бабий городок, идет до Каменного моста широким бульваром, тут поворачивает и направляется к новой площади перед Румянцевским музеем. Бульвар дальше продолжается параллельно Александровскому саду, вплоть до Охотного ряда, проходя по Моховой на местах уничтоженных старых лавок.

Второй зеленый клин врезается к Трубной площади через Лазаревское превращенное в парк, через Екатерининский парк и Самотецкий бульвар.

Наконец, третий клин зелени окаймляет реку Яузу и идет от Сокольников к Устинскому мосту.

Все это дает возможность довести в Москве зеленую площадь до 6 кв. сажен на человека, что еще не видно ни в одном из городов земного шара.

Воробьевы горы, с возвышающимся над ними громадным памятником Ленину, превращены в спортивный уголок и напоминают вид Рима со строгими очертаниями спортивных зданий, площадок, стадионов и колоннад.

Старинный собор Василия Блаженного высится над уступчатым, идущим к Москворецкому мосту, бульваром, начинающим от реки Красную площадь, где у стены высятся ступени гранитного амфитеатра, в центре которого – массивный пьедестал с гробницей В. И. Ленина.

Немного дальше, вместо теперешнего Охотного ряда, высится далеко уходящими в небо башнями большой Дворец Труда СССР с колоссальной аудиторией на 10 тысяч человек.

Хотя ему на площади мало места, но техника дает возможность гнать здание высоко ввысь. Лифты разных скоростей перебрасывают делегатов из залы заседаний в кабинеты, библиотеки, музеи, столовые и проч. При дворце есть и наружная кафедра, а вокруг здания на стенах скульптурные изображения великих деятелей человеческой культуры.

Немного в сторону – торговый центр будущей Москвы – Китай-город. Здесь высится громадные железобетонные дома американского типа с вертикальными подъемниками и движущимися площадками, соединяющими их друг с другом.

И везде, по всему городу, во всех районах, лучшие места отведены под учебные заведения, где молодежь приучается к будущей гражданской общественной жизни. Все пространство от Хамовников до самого Новодевичьего монастыря отдано университету, клиникам, институтам и лабораториям Высшей школы. Академический центр – в районе Румянцевского музея.

Вот быстрый полет над будущей Москвой. Как мало похожа она на мечту капиталистического Запада.

Два совершенно разных мира создают себе в своей мечте и разные города. Но будущее принадлежит только одному: громадному, зеленому и солнечному городу-саду. А это заставляет всех нас с еще большим вниманием отнестись к зарождающейся сейчас идее сборных стандартных домов.

Единственным правильным методом архитектора, организуемого город, как и во всех остальных случаях его деятельности, будет метод функциональной организации. Деловая часть – сити – в этом смысле, естественно, разворачивается в вертикали, из разумного желания сэкономить время делового человека. Но и другой полюс города – его жилая часть – в своем функциональном развитии потребует в известных местах вертикального развертывания, которое будет прерывать менее высокие жилые комплексы. Город всегда понимался как составная масса участков, его районирование имеет громадное значение. Советская Россия твердо и быстро пошла этим путем. Районируются не только губернии, города, но и все виды и возможности государственного и хозяйственного аппарата. Новые веяния, новые мысли такого районирования намечают и для города новые пути. Коллективизм, провозглашенный советской властью, как сменяющий индивидуализм буржуазной эпохи, в данном случае представляется руководителем в этой задаче. Ролью городского коллатора в первую очередь станут здания районных советов. Вокруг них сконцентрируются и все остальные виды учреждений, организующих новую жизнь. Население, непосредственно заинтересованное в этих районных ячейках, безусловно, должно быть крепко с ними спаяно. Коммунизм, как государственное установление, диктует такое равенство. Крушение старосветских навыков и привычек приводит к тому, что мы получаем жизненный метод в перестройке жилой зоны в свете урбанизма. Коллатор, по природе, не может быть растянут или разбросан, он должен быть как можно больше стянут в одну точку – это небоскреб.

Город – это максимальное понятие архитектурных пространственных форм, где все подчиняет и подчинено, где нет агрегата, а есть организм; структура, оживающая лишь при наличии некоторых положений. Этого не наблюдается в городах Нового Света, в этом ошибки американцев. Силуэт города – его физиономия. Целое постигается панорамой. Детали – дома – дают частные черты, из них складывается образ целого. Готические соборы, взлетающие башнями и шпилями в небо, строились по принципу дополнения и контрастирования; они немислимы вне окружающего их фона, барьера низкой застройки. Они черпают свою мощь в низкой, контрастной застройке. Однообразие улиц и площади и этим подчеркнутая речитативность, вызывающая чувство покоя и удовлетворенности, как общий фон – необходимо. Это однообразие ценно не уничтожением индивидуальности, а тем, что таким приведением фона улицы или площади к одному знаменателю вновь достигается упрощенная борьба масштаба между успокоенными относительно друг друга домами, фоном, соотношением толпы, лошади, монумента к общему впечатлению площади. Этот принцип нужно перекинуть и на город как результат проектирования. Задача современного градостроительства заключена в умении найти черту, дающую дробь отношения дома к дому, домов к улице, и, наконец, самое существенное – последних к целому городу. Так город из организмов простейших становится организмом сложным. Так градостроитель становится дважды организатором: целого и части, домов и города. Там, где это не соблюдалось, там теряется характер, отличительный признак данного города.

В чем заключается принцип, сущность американского небоскреба? В том, что он заменяет медленное горизонтальное движение улицы ускоренным вертикальным

в самом доме. Американский небоскреб объединяет в себе все, что потребно для живущего в нем или временно его посетившего. Вертикальное движение таково, что лифты, развозящие публику, пробегают до двухсот метров в минуту. Мы не задержимся на разборе программы небоскреба, она, вероятно, всем хорошо известна. Она точно отвечает нравам американца, и отсутствие нужных ему помещений, сконцентрированных в одном доме, вызовет недовольство лишней потерей времени. В нашем обиходе это соответственно нашим привычкам и обычаям изменится, но принцип останется в силе. Американизм перекинется и на наш будущий город, где кроме общих строительных условий появится особое неперенное, более важное условие – это соблюдение принципов градостроения. Задача архитектора будет заключаться в том, чтобы функционально от жизненного развития города найти отношение (количественное и качественное) высоких зданий к низким, т. е. найти предел допустимой урбанизации.

Так город начинает рисоваться как органически растущая комбинация основных массивов, застроек, образующих некий однородный фон. Эти массивы варьируют по высотам в разных, строго определенных районах. Напластование, какая-то ступенчатая лапидарность начинает вырисовываться как точно очерченный силуэт единого тела, громадного корпуса, в нем совершенно тонет отживающее понятие города как собрания отдельных домов, кубиков, там и сям расставленных. Нет, это будет с подошвы до высшей точки растущий организм, грандиозный своим величием единства. В деловом центре небоскребы будут доминировать. Как мы сказали, они естественно появятся и в жилых районах. В жилой периферии они будут исполнять роль лишь акцентирующего удара среди общей более низкой застройки. Архитектору приходится определять градус, процентное отношение там – концентрируемого, здесь – ослабляемого раствора, дальше которого идти – гибельно. Это процентное отношение, это определение массы застройки низкой, с отдельными ритмическим ударами небоскребов, то, наоборот, – общей высокой, подчеркнутой паузами и понижениями верхней линии, эту игру колебаний архитектору надо уметь найти в конкретных особенностях планируемого города и подчинить своим замыслам.

Мы не пытаемся рисовать тип «идеального» города, абстрактной теории, хотим лишь легко очертить направление мысли, идеи. Мы не закрываем глаз на то, что сейчас у нас не настало время таких построек. Ведь и на Западе при теперешней конъюнктуре общеэкономической, строят мало и сомнительно. Но ближайшие времена дадут поворот к новым грандиозам, к новому городу. Наше переходное время, в масштабе истории, – незначительно: оно сменится взрывом потенциальной энергии, в бездействии накопленной. Расцвет промышленности вызовет расцвет и в жизни наших городов. Наши заключения опираются на будущее.

Теперешнему мышлению совершенно несообразными кажутся города-усадьбы. Монотонность и скука их провинциализма режет нас. Невероятно представить себе в таком тихом, засыпающем раю что-либо творчески юное.

И вот тогда, как протест, как спасение, является на смену урбанизм, клокочущий, бурный, здоровый. И как предвестник – быстрый бег индустрии, все себе подчиняющей, а в ней – знак необоримого натиска жизни на старосветский, отмирающий рай.

1. Пастернак А. Л. Урбанизм // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 4–6.

Москва 1945 года¹

1. Лопатин П., Романовский И. Москва 1945 года // Смена. 1939. № 315.

Экспресс, громыхая на рельсовых стыках, легко взял небольшой подъем – и вдруг за поворотом возникло бесконечное море огней. В самом центре этого огненного половодья, в высоте, над миллионами светящихся точек, различался туманный силуэт колоссальной человеческой фигуры. Гигантская рука статуи была простерта над мировым городом...

– Ленин, – прошептал Герасимов. – Дворец Советов!

В 6 часов вечера экспресс подошел к перрону Казанского вокзала. Иван Артемьевич вышел на хорошо знакомую ему Комсомольскую площадь и... не узнал ее.

Исчезла висевшая над площадью старая эстакада. Близ вокзала высился громадный монумент. На пьедестале его горели слова: «Ленинскому комсомолу». По обеим сторонам площади, вдоль широких тротуаров, вытянулись шпалерами серебристые, покрытые инеем ели.

Площадь была заполнена автомобилями. Они неслись двумя потоками. Поблескивая лаком и никелем, автомобили безостановочно мчались вдоль площади, уходя на продолжающие ее просторные прямые магистрали. «Да, туговато здесь приходится пешеходу», – сокрушенно подумал Иван Артемьевич. Впрочем, на площади не было видно ни единого пешехода. Эта загадка вскоре разъяснилась. У тротуара, под небольшим навесом, Герасимов увидел два широких эскалатора. Один из них доставлял пешеходов на тротуар, другой – уносил их под землю, чтобы они легко и быстро могли очутиться на противоположной стороне площади. На темном фоне зимнего неба ярко горели бесчисленные световые рекламы: «Катанье на тройках по льду Восточного канала».

«Управление Гражданского воздушного флота сообщает: с 1 марта 1945 года воздушные экспрессы Москва – Лондон – Нью-Йорк и Москва – Сан-

Франциско отправляются два раза в сутки: в 10 часов 15 минут и в 23 часа 30 минут».

Слева забавно гримасничала веселая физиономия клоуна. Из широко открытого рта струилась по небу надпись: «Иван Иванович Неунывающий приглашает всех московских ребят на детский карнавал на льду Химкинского водоема». Справа сверкал и переливался всеми цветами спектра небесный календарь – «10 марта 1945 года».

Следуя указанию светящейся стрелки, Герасимов направился к стоянке такси и уселся рядом с шофером в машине «ЗИС-117»:

– Магистраль Север – Юг, угол Добрынинской и Люсиновской.

Иван Артемьевич вскоре заметил, что шофер везет его не по улице Кирова, как он ожидал, а по какой-то новой, значительно более широкой улице.

– Это что за улица? – спросил он шофера.

– Ново-Кировская, – последовал ответ.

Вот и Садовая-Спасская... По ней в несколько рядов нескончаемым потоком неслись машины. «Ну, придется постоять у светофора», – подумал Герасимов. Но опаздания его не оправдались. За несколько десятков метров до Садовой машина перешла на середину уличного полотна и очутилась в открытой пологой выемке.

Опустившись метров на шесть, машина нырнула в ярко освещенный тоннель и, проехав под Садово-Спасской, вышла на такую же плавно поднимающуюся открытую выемку по другую сторону Садовой.

– Здорово! – сказал Герасимов. – Что же, светофор-то совсем отменили?

– Зачем же отменять? – отозвался шофер. – На тихих перекрестках остались.

Вот и площадь Дзержинского. Первое, что бросилось в глаза Ивану Артемьевичу, – это ее небесно-голубой цвет. «Цветной асфальт», – подумал он.

Перед зданием Наркомата внутренних дел стоял гигантский памятник. В тонкой лепке лица сразу узнавался Феликс Эдмундович Дзержинский. Справа от памятника Герасимов увидел величественное 14-этажное здание. Высоко поднятая арка соединяла его с таким же громадным соседним зданием. По другую сторону площади уходила новая широкая прямая, как стрела, улица, прорубленная сквозь Китай-город. В конце ее виднелись мавзолей и зубчатые стены древнего Кремля.

Пройдя небольшое расстояние по Театральному проезду, машина свернула налево и неожиданно опять нырнула в тоннель, ловко обогнав перед въездом в него огромный двухэтажный автобус. Иван Артемьевич полагал, что через несколько секунд машина поднимется на поверхность улицы, но тоннель казался бесконечным.

– Это всем тоннелям тоннель, – разъяснил шофер, – километр с лишком. Мы сейчас под Китай-городом едем.

Через полторы минуты машина вышла на Красную площадь, позади храма Василия Блаженного. Вдаль тянулась дуга Москворецкого моста, залитого ярким светом молочно-белых фонарей. У въезда на мост, по сторонам его, стояли две громадные скульптурные группы из нержавеющей стали. На одной из них во главе группы конников несли Чапаев. На другой в окружении своих боевых товарищей на приступ вра-

жеских окопов шел Щорс.

Оглянувшись назад, Герасимов увидел Красную площадь. Все огромное пространство ее было залито бледно-розовым асфальтом. На месте тяжеловесного здания Верхних торговых рядов раскинулись высокие, обрамленные колоннами трибуны, растянувшиеся во всю длину площади.

Машина шла по Москворецкому мосту. Навстречу ей бесшумно пронесся двухэтажный трамвай. Широкое снежное поле Москвы-реки было заполнено молодежью, танцевавшей вокруг разноцветной карусели. Хор сильных молодых голосов, сопровождаемый духовым оркестром, оглашал Москву-реку веселой карнаваль-ной песней.

Мелькнул Чугунный мост, Большая Ордынка, и машина остановилась у подъезда 10-этажного здания на углу Люсиновской и Добрынинской площадей.

Оранжевая площадь была обрамлена темно-синими тротуарами. В морозном воздухе мелькали хлопья пушистого снега. Но на площади не было заметно ни единой снежинки: при первом же прикосновении к асфальту они мгновенно таяли.

Расплачиваясь с шофером, Иван Артемьевич почувствовал под ногой тепло тротуара: под асфальтом была скрыта густая сеть теплофикационных труб.

Иван Артемьевич вошел в просторный вестибюль. Он не успел сделать и двух шагов, как неожиданное прикосновение заставило его опустить глаза книзу. Выскочившие из люка в полу две пушистые щетки быстро проехали по его сапогам и исчезли так же внезапно, как и появились.

Мягкий отраженный свет лился с потолка. Широкая пологая лестница была покрыта ковровой дорожкой. На мраморной стене сияла неоновая надпись: «Лифт».

На площадке шестого этажа лифт остановился перед эмальированной дощечкой: «Доктор медицинских наук С. И. Герасимов».

– Пожалуйста, пожалуйста... Вот сюда, – и маленькая седая старушка радушно ввела Ивана Артемьевича в кабинет. – Сергей Иванович скоро будет. Он просил не отпускать вас.

Иван Артемьевич уселся в мягкое кресло у письменного стола. Потянувшись за папиросой, он отодвинул маленький черный ящик. Но как только он коснулся его полированной крышки, из глубины ящика раздался укоризненный женский голос:

– Сережа, опять подвел! А я ждала... Разве можно так жену обманывать?

Три глухих гудка – и из ящика загрохотал веселый баритон:

– Сергей, говорит Михаил. Всякой волоките есть предел. Твой буер беру я. Идем с Павлом в Каширу.

Снова три гудка – и ящик официальным тоном сообщил:

– Товарищ Герасимов, ваш доклад «Итоги десятилетней работы над продлением человеческой жизни» назначается на 25 марта в конференц-зале университета.

– Отец! Ты что же мои секреты подслушиваешь?! – Сергей Герасимов, раскрасневшийся от мороза, радостно обнимал отца; в дверях стоял десятилетний Юрка.

– У тебя здесь какие-то чудеса, Сережа: ящики разговаривают!

– Это не ящик, дедушка, а телеграфон, – солидно поправил Юрка. – Папе звонили, и телеграфон записал. А ты кнопку нажал.

Подойдя к деду, Юрка отозвал его в сторону и тихо спросил:

– Дедушка, ты какой климат любишь?

– Климат? – улыбнулся Иван Артемьевич. –

Северный, милый, северный: мы ведь уральские... Зима у нас серьезная.

Через несколько минут в комнате стало холодно-ва-то.

– Юрка, ты опять погодой занимаешься! – шутиливо-сердито сказал Сергей Иванович.

– Кондиционная установка, – объяснил он отцу. – Читал, наверно? Ну так вот этот молодой заведующий погодой и устроил тебе уральский климат. Удружил деду, нечего сказать! Живо переведи на умеренный!

В половине седьмого Иван Артемьевич заторопился. Вместе с внуком он спустился в вестибюль. На голубом мраморе стены было расположено несколько кнопок. Над каждой кнопкой две крошечные, величиной с горошину, электрические лампочки. Выше матовый экран. И лампочки и экран были темны. Юрка нажал одну из кнопок – вспыхнула зеленая лампочка, и на темном экране быстро пронесся яркий силуэт автомобиля.

– Все в порядке, – сказал Юрка. – Через минуту машина будет у подъезда.

Подъехав к Дворцу Советов, Герасимов убедился, что в его распоряжении еще добрых полчаса. Он решил обойти вокруг Дворца. Перед главным входом на небольшой высоте недвижно висели в воздухе два серебристых привязных азростата. Между ними, подвешенный на толстых тросах, спускался громадный экран телевизора. Перед ним уже собралась многотысячная толпа москвичей. Они ждали. Вскоре на экране возникнет трибуна Большого зала, появятся знакомые лица вождей и радиорупоры разнесут над Москвой речи ораторов.

Иван Артемьевич шел дальше... На фасаде Дворца, окружая его со всех сторон, растянулась гигантская высеченная из гранита лента барельефов. Перед Герасимовым проходила история героической борьбы угнетенных всего мира за счастье человечества. Он видел колонны рабов, восставших против цезарьского Рима под предводительством мужественного Спартака, толпы немецких крестьян, штурмующих мрачные замки феодалов, фигуру Ивана Болотникова, ведущего свою сермяжную рать на боярскую Москву, видел трагическую гибель Парижской коммуны и взятие Зимнего дворца...

За четверть часа до открытия съезда Иван Артемьевич через 38-й подъезд вошел во Дворец и поднялся на лифте-экспрессе. Перед ним раскрылась бесконечная анфилада огромных фойе. Мрамор, цветы, картины, скульптура. В одном из фойе Герасимов долго стоял перед бронзовым бюстом своего старого друга Героя Социалистического Труда агронома Митрофана Федоровича Завьялова. Он пошел дальше. И не было конца нарядным, торжественным залам...

В каждом фойе был свой особенный, присущий только ему климат: знойный, сухой воздух казахских степей, аромат цветущих яблоневых садов Украины, смоляной запах хвойного вологодского леса и воздух залитого солнцем Черноморского побережья. Ивану Артемьевичу чудилось, будто он совершает сказочное путешествие по необъятным просторам своей страны.

В кулуарах Дворца толпились группы делегатов. Герасимов слышал обрывки разговоров. У диаграммы нефтяники стояли нефтяники. Атакуемый делегатами Башкирии и Урала, молодой инженер-азербайджанец упорно пытался отстоять честь старого Баку перед патриотами новой нефтяной базы Союза, вот уже год не уступающей по добыче «черного золота» старому Апшеронскому полуострову. Награжденный всеми орденами Союза, седой, как лунь, но все еще бодрый и подвижный, строитель Куйбышевского гидроузла воз-

бужденно читал вслух только что полученную им телеграмму: «Сообщите съезду: сегодня в ночь опробованы насосные станции Заволжской оросительной системы. Механизмы работали безукоризненно». Сибирский делегат обстоятельно разъяснял своему собеседнику все преимущества подземной газификации кузнецкого угля для снабжения газом городского хозяйства Томска.

За несколько минут до начала заседания Иван Артемьевич занял свое место.

Много раз видел он фотографии Дворца Советов, но только сейчас по-настоящему ощутил, как грандиозен его Большой зал. Зал шумел, как морской прибор. Старые друзья обменивались веселыми приветствиями. Пневматическая почта принесла Герасимову записку от его друга из ложи Героев Советского Союза.

Точно в 7 часов вечера за столом президиума появился товарищ Сталин в окружении своих боевых соратников. Тысячи человек встали со своих мест, и гром аплодисментов потряс зал. Из-за стола президиума поднялся одетый в скромную куртку человек, имя которого знает весь мир... Товарищ Сталин начал свой доклад. Сидевший справа от Ивана Артемьевича гость, испанец, нагнувшись к ручке своего кресла, передвинул стрелку маленького циферблата на деление с надписью «испанский» и приложил к уху трубку радиотелефона.

В изолированных кабинах, скрытые от глаз делегатов, десятки опытных переводчиков мгновенно переводили и транслировали речь вождя. Слова товарища Сталина, родные и понятные всему трудящемуся человечеству, неслись над миром...

...Переполненный яркими ощущениями этого незабываемого дня, Иван Артемьевич сидел за обеденным столом в квартире своего сына. Здесь были доктора и художники, учителя и рабочие, инженеры и военные – родные, друзья, товарищи, бывшие односельчане

Ивана Артемьевича. Стул рядом с Иваном Артемьевичем был пуст. Юрка, задрвав кверху свою вихрастую голову, дежурил у окна. Стрелка часов приближалась к двенадцати. Раздался мелодичный удар стенных электрочасов.

– Поворачивается, поворачивается! – радостно закричал Юрка.

На темном московском небе страница небесного календаря задрожала, сморщилась, потускнела, и на ее месте вспыхнула новая дата – «11 марта 1945 года».

Иван Артемьевич поднял бокал:

– Предлагаю тост, товарищи, за наше героическое прошлое, за наше радостное настоящее, за сияющее будущее... И за того, кому мы обязаны и нашим настоящим и нашим будущим!

Давая описание Москвы 1945 года, мы отнюдь не позволяли себе фантазировать.

Намеченный в тезисах товарища В. М. Молотова грандиозный рост производственной мощи и благосостояния народов Советского Союза демонстрирует безграничные возможности социалистического хозяйства. Сталинский план реконструкции столицы осуществляется уже три с лишним года. Кипит работа на стройке Дворца Советов. Прокладываются новые магистрали. Строятся сотни новых прекрасных домов.

Уличные тоннели, подземные эскалаторные переходы существуют уже в виде детально разработанных технических проектов. Завод цветного асфальта уже работает.

Теплофикация, кондиционирование воздуха, телеграфон, автоматический вызов такси уже полностью освоены современной техникой.

В Советской стране реальная жизнь часто обгоняет фантазию. Подлинная Москва 1945 года, конечно, будет неизмеримо прекраснее той, которую мы попытались нарисовать в этом очерке.

Москва на стройке¹

1. Отрывок из книги: Логинов А., Лопатин П. Москва на стройке. М.: Молодая гвардия, 1955.

А на противоположном берегу реки, где лежала когда-то низина Лужников, раскинулся крупнейший стадион столицы. Прозрачный купол высится над чашей стадиона, над его трехъярусными трибунами. Зимой, когда воеет вьюга и ветер срывает с крыш колючую поземку, на зеленом поле стадиона – футболисты в майках и трусах. Летом здесь на гладких ледяных дорожках проходят конькобежные соревнования...

Машина идет по магистрали Юг – Север. Впереди канал, спрямляющий центральную петлю Москвы-реки. Он проложен в глубокой выемке. В обход Кремля, разгружая центр города от корабельной суеты, по каналу проходят суда.

Среди них товарный электроход какого-то нового типа. Он идет величайшей водной дорогой мира: Москва – Сталинград – Астрахань – Каспийское море – Омск – Диксон – Карское море – Маточкин Шар – Петрозаводск – Ленинград – Москва.

Таким же широким, как магистраль, мостом машина пересекает канал и все дальше устремляется по проспекту Юг – Север. Справа, в зеленых просветах между домами, видна Москва-река у ее подходов к Южному порту. А впереди – Парковое кольцо. Зеленым венцом шириною добрых 60 метров и длиной 44 километра окружает оно Москву. Наша магистраль пересекает Парковое кольцо как раз на площади бывшей Серпуховской заставы.

Сплошным потоком идут машины по кольцу. Такой же поток движется с нами по магистрали. Казалось бы, неизбежна остановка, длительное, надоедливое ожидание у закрытого светофора. Но светофора нет, машины не сбавляют скорости: магистраль проходит над Парковым кольцом по высокой эстакаде, площадь лежит под нами, одетая не то в асфальтовую, не то иную разноцветную мозаику.

Снова впереди все та же прямая магистраль и эстакада над новым Бульварным кольцом.

Машина идет сейчас по центру давно застроенного Замоскворечья, но нет ощущения однообразия и узкого коридора. И не только потому, что магистраль широка. Навстречу бежит расширенный участок, где лежит сквер, зеленеющий купами деревьев, или бьет фонтан среди цветочного партера. То мелькнет белая скульптурная группа, проплывет памятник народному герою, то, наконец, на улицу выйдет полная прохлады опушка парка.

Дома теплы и солнечны. Они сложены из плит цветного бетона. То здесь, то там поблескивают яркие орнаменты из керамики, золотистая смальта, цветной витраж. И все это вместе с зелеными, вишневыми, красными листьями вьющихся растений создает выразительную, чуть подсиненную воздухом гамму красок.

Москва получила свой неповторимый цвет, не похо-

жий ни на нежно-сероватые тона Ленинграда, ни на сплошь белые города юга. В столице преобладают сочные тона, они подчеркивают четкость объемов зданий, помогают им сохранить выразительность и в прозрачном воздухе весеннего утра и в полусвете зимних сумерек...

Наша магистраль уже приближается к центру столицы, но также стремителен бег машины.

Указатель скорости отмечает: 87 километров в час. Это обычная скорость в Москве: над магистралью то и дело мелькает предупреждающий транспарант: «Не ниже 70 км».

Магистраль не знает пересечений на одном уровне: вот только что мы миновали Добрынинскую площадь, пропустившую под собой в тоннеле густой поток Садового кольца. На менее ответственных перекрестках для пешеходов сооружены пандусы под полотном магистрали, а для машин – плавные ответвления, мягко вписанные в магистраль. Машинам, как поездам в метро, никто и ничто не мешает. Так во имя чего искусственно снижать скорость, присущую машине, и терять время?

В несколько рядов идут машины, сотни, тысячи машин. А на магистрали – тишина. Только слышно шуршание шин – словно отдаленный шум прибора в безветренный летний день.

И это естественно. Пусть гудки машин еще не сняты – кто знает, быть может, они понадобятся в загородных поездках где-нибудь на второстепенных проселках, – но в Москве гудок запрещен раз и навсегда. К тому же и мотор не урчит: подобно гудку, бензиновый мотор изъят из Москвы – в столицу допущены только электродвигатели.

Так откуда же возникнуть уличному шуму, если ко всему этому резиновые прокладки полностью исключили всякое дребезжание даже многоместных автобусов?

И еще одно характерно для магистрали – чистота. Не просто чистота, а какая-то блистающая, прозрачная чистота мостовой, тротуара, воздуха, неба.

Большие белые машины идут по магистрали, сметая пыль, всасывая ее широкими раструбами в свои вместительные цистерны и поливая улицу – то голубую, то желтую, то синюю. И никому из москвичей не придет на ум бросить, скажем, окурок не в урну, а на эту нарядную одежду дороги, как неудобно, бросить конфетную бумажку на полированный гранитный пол подземной станции Московского метрополитена.

Чисто не только на улицах – чисто и во дворах. Темные дворы-колодцы уже не существуют в Москве. Каждое здание теперь омывается светом и воздухом. Не только со стороны улицы и в глубине кварталов, но и во дворах – садовые насаждения, цветы. И даже если в доме большие магазины, требующие ежедневного подвоза продуктов, машины не разгружаются во дворе: по специальному спуску они въезжают в тоннель под домом.

И как может быть не прозрачен воздух Москвы, когда она полна зелени, когда так тщательно убирают ее мостовые, когда на улицах нет выхлопных газов автомобилей и над гигантским городом не поднимается ни единого дымка в прозрачное высокое небо?..

Все ближе и ближе подходит машина к центру города. Уже позади Водоотводный канал, Москворецкий мост из светло-розового гранита – и перед нами знакомая панорама Кремля: красочные главы Василия Блаженного, зубчатая стена, сбегаящая уступами к Москве-реке, Красная площадь.

Вырываясь из Замоскворечья, магистраль Юг – Север проходит по мостам канала и Москвы-реки:

здесь, на левом берегу, пройдя считанные десятки метров, машина неожиданно ныряет под землю.

Тоннель пробит под Китай-городом, под площадями и проспектами центра: для магистрали крут подъем на Китайгородский холм, а московский центр так законченно спланирован, что не было резона прорезать сквозь него новый проспект.

Машина идет по тоннелю, но мы не чувствуем подземелья. И не только потому, что тоннель просторен и высок, что воздух в нем безукоризненно чист, что стены его одеты гладким камнем, что он залит отраженным светом зеркальных ламп дневного света.

Немалую роль в этом играет и меняющаяся степень его освещенности.

Если там, на земле, стоят осенние сумерки, лампы тоннеля горят не в полную силу. Если же на поверхности летний солнечный день, они заливают тоннель таким же ярким светом. И вот это-то отсутствие резкой перемены силы света при входе в тоннель не только не ослабляет остроты зрения водителя машины, но почти неощутимо и для пассажиров.

Машина идет по тоннелю, а над ним стоят площади центра.

Площадь Свердлова... Дома почти все те же, только гостиница «Москва», обнявшая теперь целый квартал, выдвинула к площади один из своих корпусов.

Противоположная Большому театру сторона площади широко раскрыта. Ступени монументальной лестницы, поднимающейся к Китай-городу между гостиницей «Метрополь» и Музеем В. И. Ленина. На фоне кремлевских башен на площади Свердлова вырисовывается памятник Якову Михайловичу Свердлову.

В Театральном сквере из круглого водоема с шумом летят вверх прозрачные струи фонтана. Вокруг бассейна – хоровод детских фигур из белого мрамора. Кажется, дети кружились в танце и лишь на мгновение остановились, чтобы полюбоваться фонтаном, осыпающим их радугой брызг.

Преобразилась и площадь Дзержинского. Она перепланирована, раздалась в длину и ширину, подойдя вплотную к зданию Политехнического музея. В центре площади – памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Окруженная новыми домами, площадь стала торжественной и строгой, напоминая площади Ленинграда.

Изменился Китай-город – наиболее тесное в старой Москве скопление домов. Теперь здесь образовались более просторные кварталы из лучших прежних домов и новых зданий центральных учреждений. И впервые за много столетий зелень нашла себе место в каменном Китай-городе...

Полтора километра тянется тоннель под московским центром и выходит на поверхность ближе к Трубной площади.

Здесь начинается северный отрезок магистрали. Она идет двумя параллельными лучами. Правый луч перерезает сутолоку переулков и, наконец, достигает зеленой гущи Пушкинского (Останкинского) парка. Левый луч проходит поблизости и в конце концов вливается в то же Останкино.

Между обоими лучами – зелень. Кажется, где-то там, на севере, в районе Пушкинского парка, она прорвала границу города и зеленым потоком хлынула к центру. Зеленым клином входят подмосковные леса в каменное тело города.

Снова все то же прямое и широкое полотно, снова двухэтажные пересечения с бульварными и парковыми кольцами. Снова все тот же предупреждающий транспарант: «Не ниже 70 км». И тем не менее этот северный отрезок магистрали отличен от ее южной половины.

Быть может, это потому, что на каждом из двух лучей движение одностороннее: на восточном – только на север, на западном – только на юг. Может быть, оттого, что здесь еще больше зелени и цветов. Или потому, что на этом отрезке магистрали дома стоят еще просторнее. А может быть, причина в том, что именно здесь, на былых пустырях, прорезанных ныне магистралью, широко и смело пробуют новую облицовку зданий, новые строительные материалы.

В частности, на границе прежней Марьиной роши только что возведен стеклянный жилой дом. В нем все из стекла: стены, потолки, полы, оконные рамы, двери, даже плита на кухне.

Днем этот дом, собранный из стеклянных блоков, светло-синего и цвета слоновой кости, переливается на солнце, как камень-самоцвет. Ночью, когда в нем загораются огни, он похож на огромную призму, сияющую изнутри. И в то же время все, что происходит в доме, не видно с улицы: сложенный из рифленого стекла, он так преломляет свет, что через стены ничего не разобрать, словно сквозь окно, густо подернутое инеем...

Перешагнув путепроводом через железную дорогу, магистраль входит в Пушкинский парк.

Здесь аллеи-просеки разрезают старый лес, связывают с небольшими лесными гостиницами и лагерями отдыха на опушках.

Пешеходные туристские тропы ведут к запрятанным в чащах лужайкам, к искусственному «хаосу скал», напоминающему Алупку в Крыму. Дорожки выются вдоль ручьев, шумно сбрасывающих с камней вспененную воду. Далеко вглубь парка уходят аллеи для верховой езды и прогулок на велосипедах.

Местная река, приняв в себя волжские воды из Химкинского водохранилища, породила новые лесные озера с нетронутой молодой травой по берегам, и водные праздники проходят здесь особенно непринужденно.

Гордость парка – обширный Главный ботанический сад Академии наук: вековые сосны, дубовые и березовые роши, пруды, дендрарии, плантации, музеи, питомники. В центре сада – главная оранжерея «Хрустальный дворец». Здесь на открытом воздухе и в теплицах собраны сотни тысяч видов и разновидностей культурных и дикорастущих растений – вся флора земного шара.

Вот поднялись купы гигантских тропических деревьев – их родина за Атлантическим океаном. Распластались мхи и карликовые березы тундры. Таежные леса Сибири соседствуют с густыми зарослями бамбука и пробкового дуба, серебристые пихты Урала – с представителем древнейших эпох, огромным энцефалартосом. Здесь же аллеи деревьев, подстриженных и расположенных в стиле старых парков, и скупая растительность саванн и пустынь. Зимой рядом с застекленными оранжереями тропической флоры стоят опушенные снегом бронзоствольные сосны и темно-зеленые ели. В двух шагах – пышное цветение экваториальной растительности и строгий ландшафт морозного Севера.

Еще сотня-другая метров – и на обочине магистрали тот же светящийся транспарант, что вы видели на юге, в лесах Теплого Стана, и на транспаранте то же короткое, звучное слово – «Москва».

Здесь конец многокилометровой магистрали и северная граница города.

Руины будущего в городе призраков

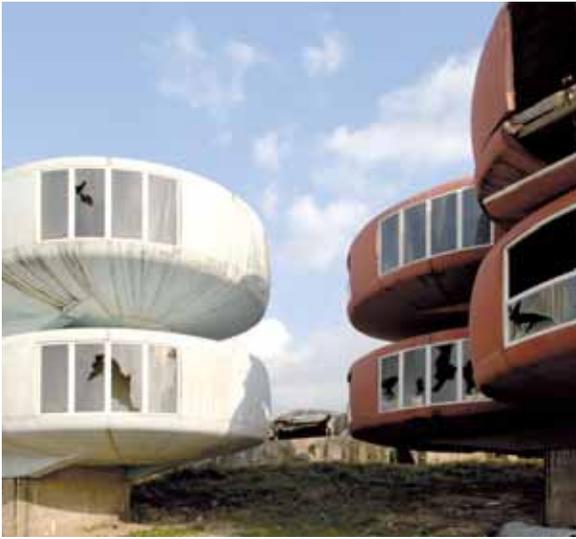

В 1978 году начались работы по проектированию «футуристического города Сан Жи» на север от Тайбэя (столица Тайваня). Инвестиционная компания «Ханг Куо Групп» предполагала, что поселок станет частью широко разрекламированного района Нового Тайбэя и в нем будут селиться только привилегированные жители. Например, американские солдаты и офицеры, прибывающие в Тайвань на отдых.

Работы начались в 1980 году. Довольно быстро возникли целые кварталы зданий удивительной, непривычной формы. Сан Жи получил прозвища «Города летающих тарелок» и «Города контейнеров».

Однако уже в начале 80-х на стройке подряд произошло несколько тяжелых аварий с человеческими жертвами. Поползли слухи, что местный дракон, хозяин берега, не хочет допускать строительства. К

тому же вдруг вспомнилась история о том, что в этом месте еще в XVIII веке были захоронены более десяти тысяч погибших голландских солдат. Находились даже очевидцы, наблюдавшие, как призраки кружатся между недостроенных зданий.

Как ни странно это звучит, но подобных мистических причин оказалось достаточно, чтобы инвесторы начали изымать свои капиталы из проекта. Из роскошного района Сан Жи сперва превратился в обычный жилой район. Вместо американских офицеров и элиты восточноазиатского бизнеса его переориентировали на обычных отдыхающих и туристов. Но процесс «бегства капиталов» из проекта продолжался. К концу XX века стройка была заморожена, и Сан Жи превратился в брошенный город.

На протяжении десяти лет он постепенно разрушался. Теперь его уже называли «городом-призраком» и «руинами будущего». Делались попытки наладить туристические экскурсии в недостроенный город, в нем снимались клипы MTV, футуристические здания пытались использовать как декорации для кинофильмов. Ни один из этих проектов не состоялся в запланированном объеме.

В 2008 году был поднят вопрос о сносе разваливающихся зданий. Но даже такие работы почему-то не удалось организовать. Разгневанный дракон побережья Сан Жи наотрез отказался допускать людей и технику в свои владения, а местные жители категорически возражали против попыток нарушить покой призраков.

Так и стоят здания удивительных форм на пустынном берегу Тихого океана. Естественным порядком они разрушатся нескоро: монолитный железобетон штука прочная. Так что еще не одно поколение сможет наблюдать этот памятник неудавшейся попытки прорыва в будущее.

Форсайт несбывшихся надежд

текст
Константин Лидин

В январе 2006 года делегация Иркутской области вернулась из поездки в Вену, в представительство ЮНИДО. Делегацию возглавлял недавно назначенный губернатор А. Г. Тишанин. В апреле губернатор собрал круглый стол с представителями бизнеса и научной общественности по теме «Форсайт региона».

ЮНИДО (UNIDO – United Nations Industrial Development Organization) – учреждение Организации Объединенных Наций, созданное с целью организации помощи технологически отсталым странам. ЮНИДО занимается передачей передовых технологий развивающимся странам для того, чтобы остановить их сползание «на обочину» глобальной экономики.

Иркутской делегации было предложено освоить технологию дальнего прогноза (форсайта). В течение следующего года готовилось трастовое соглашение между администрацией Иркутской области и венским офисом ЮНИДО. Параллельно велись работы по пилотному проекту «Региональный форсайт Иркутской области». С точки зрения выделенной ранее классификации технологии, были проведены работы стадии предфорсайта и, частично, – собственно форсайта. Для управления проектом форсайта были проведены подготовительные организационные работы. Была разработана институциональная организация форсайта, основу которой составила рабочая группа по организации проведения форсайта Иркутской области, назначенная губернатором¹. Во главе группы в должности вице-губернатора встал приглашенный из Санкт-Петербурга специалист по долгосрочному прогнозированию профессор В. П. Третьяк. Было создано также научно-методическое объединение «Форсайт» при Иркутском государственном университете. Его возглавила доктор экономических наук Н. Я. Калюжнова.

Фактически активная часть этой рабочей группы и составила команду проекта, хотя официально такого названия не произносилось. Чтобы работники адми-

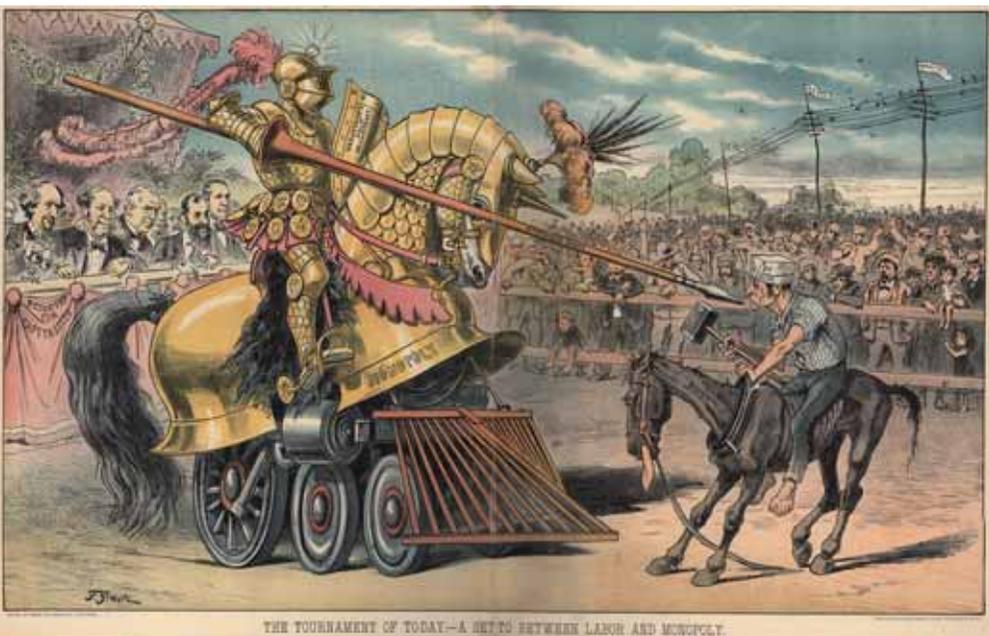
нистрации адекватно работали на формирование форсайта, в их должностные инструкции необходимо было внести соответствующие изменения, но это сделать не удалось. Договор между Иркутской областью и ЮНИДО также остался на уровне протокола о намерениях, в силу как финансовых причин, так и бюрократических трудностей подписания международного договора международной организации с региональной администрацией.

Разработка пилотного форсайт-проекта осуществлялась на волонтерской основе. Была создана некоммерческая организация, носящая название «Фонд поддержки гражданских институтов», предназначенная для дальнейшего финансирования форсайта при его развитии. Однако создать запланированный командой форсайта управляющий комитет при губернаторе области не удалось.

Таким образом, был создан лишь минимальный набор институтов, необходимый для начальной стадии формирования регионального форсайта. Участниками регионального форсайта в Иркутской области стали:

- Агентство по промышленному развитию ООН (UNIDO, Вена, Австрия);
- Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (Москва, Россия);
- Научно-методическое объединение «Форсайт» при Иркутском государственном университете (Иркутск, Россия);
- консорциум «Промест» (Милан, Италия);
- Иркутский филиал СО РАН (Иркутск, Россия);
- Фонд поддержки гражданских институтов (Иркутск, Россия);
- вузы и НИИ Иркутской области (Иркутск, Россия);
- Российский экономический журнал (Москва, Россия);
- журнал «Власть» (Москва, Россия);
- журнал «Отраслевые рынки» (Москва, Россия).

1. Распоряжение Губернатора Иркутской области №300-р от 29 июня 2006 года.

За 2006 год был проведен ряд мероприятий информационного, обучающего и теоретико-прикладного плана. В октябре 2006 года проведена Первая всероссийская интернет-конференция на тему «Технологический форсайт как инновационный инструмент формирования перспективной конкурентоспособности страны и региона в условиях глобализации»; в феврале 2007 года проведена Первая международная конференция «Procedure of Foresight development». В рамках IV Байкальского экономического форума (21 сентября 2006 года) на первом круглом столе «Технологический форсайт: региональный аспект» и на пленарном заседании обсуждались актуальные вопросы разработки форсайта Иркутской области. Была проделана работа по предварительному подбору экспертов, которые участвовали в подготовке и обсуждении пилотного доклада. Проведено несколько экспертных семинаров, на которых участники были ознакомлены с сущностью форсайта и по специально разработанной схеме занимались выработкой видения Иркутской области в 2025 году. Всего

подготовлена база данных около двухсот экспертов, которые с разной степенью активности приняли участие в подготовке и обсуждении положений пилотного доклада.

Были сделаны доклады перед руководителями муниципальных властей. Подготовлена и распространена брошюра о форсайте, опубликован спецвыпуск газеты Иркутской области о форсайте. За истекший период были созданы условия для институционального и информационного обеспечения проекта. В конце 2006 года завершён предфорсайт – первый этап работы над форсайтом в Иркутской области. Он закончен презентацией пилотного проекта доклада перед губернатором и общественностью области, где прошло публичное обсуждение общего видения развития Иркутской области на долгосрочную перспективу.

Особенностью иркутского форсайта явилось то, что некоторые стратегические решения, предопределяющие траекторию развития региона, были приняты до начала разработки форсайта. В частности, решение о создании агломерации в районе Иркутска на базе трех городов – Иркутска, Шелехова и Ангарска, что создаст материальные условия для размещения высокотехнологичного производства. Следующее решение – о формировании особой экономической зоны, которое предопределяет развитие туристического сектора в хозяйственном комплексе региона.

На основе этого выделились отраслевые приоритеты форсайта. Основная цель «Форсайта Иркутской области», заявленная в пилотном докладе, – выявление возможностей выведения Иркутской области на уровень европейских стандартов качества жизни к 2030 году. В конечном счете реализация форсайта должна привести к росту человеческого капитала региона.

Реализация Иркутского форсайта предполагала три разреза: *стратегический* вектор развития региона, направления *муниципального районирования* и развитие бизнеса *по сферам деятельности*. В составе первого – стратегического – вектора в форсайте были избраны также три направления, подчиненные росту человеческого капитала в Приангарье.

1. Установление социального партнерства власти и бизнеса, в частности, с предприятиями, входящими в структуру вертикально-интегрированных компаний.

2. Развитие малого и среднего бизнеса на основе кластеризации малого бизнеса, аутсорсинга части технологических процессов крупных предприятий; повышение доли средних и малых предприятий в валовом региональном продукте, увеличение занятости населения и налоговых поступлений регионального бюджета.

3. Повышение доли сферы услуг в валовом региональном продукте, развитие постиндустриальной экономики.

Одновременно с подготовкой форсайта шла практическая работа по установлению отношений социального партнерства с предприятиями, входящими в крупные компании, центральные офисы которых расположены за пределами области. Предмет соглашений – мероприятия, направленные на достижение баланса интересов бизнеса и региональной власти в соответствии с принципами социального партнерства, взаимной заинтересованности сторон в решении стоящих перед ними задач и информационной открытости.

Второй составляющей стратегического разреза форсайта явилась кластеризация малого бизнеса. На

долю малого бизнеса тогда приходилось 21% ВРП, более 10 тысяч предприятий, на которых было занято на конец 2006 года около 18% трудоспособного населения региона. Суммарный годовой оборот составлял свыше 90 миллиардов рублей, доля прибыли составляла 10,3% регионального уровня. При этом отмечается очень низкий уровень оплаты труда работающих в данных организациях – 43% от среднего по области.

Кластеризация малого бизнеса была призвана увеличить долю участия их в создании ВРП хотя бы до 40%. При этом качество производимых предприятиями малого бизнеса товаров должно соответствовать европейским стандартам. Кластеры предприятий создаются не одним мановением руки. На конец 2006 года на первой стадии развития кластера работали порядка восьми коллективов предпринимателей, на второй – два. Представляется, что цель форсайта в 2030 году будет достигнута, если 80% действующих малых компаний области предпримут попытки к созданию кластера предприятий. Таким образом, создание кластеров предприятий вполне реально, и в рамках форсайта можно ставить цель достижения 80% охвата деятельности малого предпринимательства на территории Иркутской области по схеме: кустарные, индустриальные и инновационные кластеры.

За прошедшие пять лет картина значительно изменилась. По данным руководителя территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Иркутской области Ирины Ивановой, на 1 января 2011 года в регионе было зарегистрировано порядка 110 тысяч малых и средних предприятий, из которых 75 тысяч – индивидуальные предприятия. Темпы прироста числа субъектов в данной сфере в последние годы снижается. Так, в 2008 году прирост составил 21%, в 2009 году – 6%, в 2010 году – 3%².

2. Аргументы и факты. Иркутск. 2011. 30 марта.

3. По данным НИА Байкал <http://www.38rus.com/>

4. По данным Иркутскстат (<http://irkutskstat.gks.ru>)

5. Все цитаты из форсайта 2006 года даются по изданию: Третьяк В. П., Калюжнова Н. Я. Формирование форсайта в Иркутском регионе // Наука. Инновации. Образование. Вып. 5. Форсайт: основы и практика применения. 2008. Февр. С. 219–242.

6. Тема иркутской агломерации посвящен 9-й номер журнала «Проект Байкал» за 2006 год.

Однако, несмотря на десятикратный рост числа малых предприятий, количество кластеров отнюдь не выросло. По итогам 2010 года доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях региона, составила 19,83%, что на 1,1% больше, чем в 2009 году. Доля вклада в валовый региональный продукт от субъектов малого предпринимательства выросла на 3,1% до 13,1%³. Таким образом, за пять лет события развивались в предсказанном направлении, но такими темпами, что достижение поставленных в форсайте целей потребует около пятидесяти лет. Тем более что в последние годы наблюдается общее замедление темпов экономического роста области.

Третья составляющая стратегического разреза регионального форсайта – радикальное увеличение доли услуг в ВРП. На конец 2006 года услуги составляли чуть больше 51% ВРП, в то время как к 2030 году это значение должно возрасти до 65%. Это возможно за счет разворачивания процесса кластеризации предприятий и формирования Иркутской агломерации.

Данный прогноз форсайта также выглядит сегодня не слишком реалистичным. В течение пяти лет объем оказания платных услуг населению, хотя и рос, но слишком медленно. В результате доля услуг в валовом региональном продукте упала в несколько раз и на конец 2010 года составляла около 12%⁴.

В качестве второго разреза форсайта было принято упрочение *муниципального районирования* и усиление внимания к нему. Заключение соглашений социального партнерства с предприятиями вертикально интегрированных структур предполагает их реализацию на территории муниципального образования, как, впрочем, и кластеризация малого бизнеса, и развитие сферы услуг. Следовательно, в зависимости от хода реализации стратегических преобразований в экономике и социальной сфере области, они должны отражаться в долгосрочных стратегиях развития муниципальных образований.

Третий разрез форсайта – развитие бизнеса *по сферам деятельности* – предполагает исследование тенденций развития региональных рынков и отдельных отраслей экономики области с учетом тенденций развития технологий. Предварительные цифры, которые были представлены в пилотном докладе, должны были служить основой для обсуждения и корректировки на этапе обсуждения с помощью экспертных панелей, которая была запланирована на 2007 год. К примеру, в докладе отмечалось, что туризм к 2030 году должен будет обеспечивать 5% валового регионального продукта области вместо 0,5% на день создания пилотного доклада. Основными направлениями развития туризма должны были стать: коммерциализация брэнда «озеро Байкал», развитие инфраструктуры туризма, реализация программы развития гостиничного бизнеса и создание особой туристической зоны рекреационного типа.

Ни одна из перечисленных тенденций за пять лет не реализовалась в сколько-нибудь значимых формах.

Надо отметить, что параллельно с подготовкой пилотного доклада шла работа по внедрению идей форсайта по созданию особой туристической зоны рекреационного типа, право на создание которой администрация Иркутской области получила в 2006 году.

Дальнейшая конкретизация видения развития отраслей должна производиться на основе построения «дорожных карт», то есть путей развития отраслей в случае внедрения тех или иных технологий, с одной стороны, и требуемых продуктов и технологий – с другой. В качестве основных направлений, выбранных для исследования с помощью технологии дорожного картирования, выбраны: туристический комплекс, лесной рынок, рынок жилья, демография и образ жизни, агломерация.

Одним из основных результатов доклада является экономическое позиционирование Иркутской области к 2030 году. Согласно положениям пилотного доклада, к 2030 году в области должна существенно измениться структура экономики.

«Основную роль в формировании валового регионального продукта будет выполнять сфера рыночных услуг, таких, как коммуникации, туризм и сопутствующие услуги. Предполагается, что в 2030 году область выйдет на лидирующие позиции в Сибирском федеральном округе по объему ВРП на душу населения, по объему инвестиций в основной капитал и по уровню благосостояния населения. В России по этим параметрам область должна войти в число первых 12 регионов. Для этого на сегодняшний день есть все предпосылки»⁵.

К сожалению, прекрасные предпосылки развития иркутского региона так и остались в сфере нереализованных возможностей. Иркутская область по-прежнему отстает и от Новосибирской области, и от Тюменской, и от Красноярского края... Вместо ожидаемой агломерации Иркутска, Ангарска и Шелехова в единый мегалополис-миллионник⁶ наблюдается нарастающее недоверие и настороженность в отношениях между муниципалитетами трех городов. Услуги, высокотехнологичные отрасли промышленности, образование и туризм не торопятся превращаться в локомотивы региональной экономики, – напротив, быстрыми темпами развивается в основном добывающая отрасль. Из области вывозится сырье в самом примитивном, наименее выгодном для региона виде. Реализуется наиболее пессимистичный сценарий развития области.

Что же, значит, какие-то очень важные факторы не были учтены пять лет назад, когда создавался такой бодрый, такой смелый и перспективный форсайт Иркутской области. Какой-то человеческий фактор был забыт, – может быть, исчерпанность социального капитала (иначе этот феномен называют дефицитом доверия). Или эгоистичные интересы крупных игроков (стейкхолдеров) из числа олигархов федерального масштаба. Или нестабильность политической ситуации в области, в которой за эти пять лет сменились три губернатора.

А интересно было бы, наверное, учесть допущенные ошибки и вернуться к долгосрочному прогнозированию будущего Иркутской области. Может быть, со второй попытки форсайт получится более удачным?

Английская карикатура конца XIX века «Битва труда с монополиями». Как и полтора столетия назад, интересы мелкого и среднего бизнеса, индустрии услуг и просто жителей страны пасуют перед бронированным чудовищем монополистического капитала. Вот и форсайт Иркутской области, похоже, угодил под те же колеса